

Ф.Т. Раневская

Пионеры,
идите
в Ж*пу!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р22

Раневская, Фаина Георгиевна.

Р22 Пионеры, идите в ж*пу! / Фаина Раневская. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 160 с. — (*Золотая коллекция афоризмов и цитат*).

ISBN 978-5-17-104563-0.

Фаина Раневская — одна из самых талантливых актрис и неординарных личностей XX столетия. Эта книга — квинтэссенция остроумия, цинизма, тонкой самоиронии и мудрости с налетом насмешки. Самые точные, хлесткие и смешные высказывания легенды кинематографа с каждым годом как хорошее вино становятся все вкуснее и утонченнее.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-104563-0. © ООО «Издательство АСТ», 2017

Когда в Москву привезли «Сикстинскую мадонну», Фаина Георгиевна услышала разговор двух чиновников из Министерства культуры. Один утверждал, что картина не произвела на него впечатления. Раневская заметила:

— Эта дама в течение стольких веков на таких людей производила впечатление, что теперь она сама вправе выбирать, на кого ей производить впечатление, а на кого нет!

На вопрос: «Вы заболели, Фаина Георгиевна?» — она обычно отвечала: «Нет, я просто так выгляжу».

Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, — требует капризная молодая актриса.

— Всё будет настоящим, — успокаивает ее Раневская. — Всё: и жемчуг в первом действии, и яд — в последнем.

Сотрудница Радиокomiteта Н. постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой: то она рыдала из-за очередной ссоры, то он ее бросал, то она делала от него аборт. Раневская называла ее «жертва ХераСимы».

Однажды Раневскую спросили: почему красивые женщины пользуются большим успехом, чем умные?

— Это же очевидно: ведь слепых мужчин совсем мало, а глупых пруд пруди.

Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приезжает на вокзал.

— Жалко, что мы не захватили пианино, — говорит Фаина Георгиевна.

— Неостроумно, — замечает кто-то из сопровождавших.

— Действительно неостроумно, — вздыхает Раневская. — Дело в том, что на пианино я оставила все билеты.

Однажды Юрий Завадский, худрук Театра им. Моссовета, где работала Фаина Георгиевна Раневская (и с которым у нее были далеко не безоблачные отношения), крикнул в запале актрисе: «Фаина Георгиевна, вы своей игрой сожрали весь мой режиссерский замысел!» «То-то у меня ощущение, что я наелась дерьма!» — парировала Раневская.

Идущую по улице Раневскую толкнул какой-то человек, да еще и обругал грязными словами. Фаина Георгиевна сказала ему:

— В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искушает.

Актеры обсуждают на собрании труппы товарища, который обвиняется в гомосексуализме:

«Это растление молодежи, это преступление!»

— Боже мой, несчастная страна, где человек не может распорядиться своей жопой, — вздохнула Раневская.

Объясняя кому-то, почему презерватив белого цвета, Раневская говорила: «Потому что белый цвет полнит».

— Я не пью, я больше не курю и я никогда не изменяла мужу потому еще, что у меня его никогда не было, — заявила Раневская, упреждая возможные вопросы журналиста.

— Так что же, — не отстает журналист, — значит у вас совсем нет никаких недостатков?

— В общем, нет, — скромно, но с достоинством ответила Раневская. И после небольшой паузы добавила: — Правда, у меня большая жопа, и я иногда немножко привираю!

Настоящая фамилия Раневской — Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я — дочь небогатого нефтепромышленника...»

Дальше дело не пошло.

В архиве Раневской осталась такая запись: «Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется. Хорошо — неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания — это богатство старости».

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

— Дать дочери Фельдмана мало — я не могу. А много — у меня уже нет...

— Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

— Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга — «Судьба — шлюха».

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь.

— Фаина, — сказал Эйзенштейн, — ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставляя людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась.

Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула:

— Лучше я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!

Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

— Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

— Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

— Но ведь так нельзя жить, Фаина.

— А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

— Господи! У вас даже окно не открывается...

— По барышне говядина, по дерьму черепок...

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

— Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

— Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

— Как вы живете? — спросила как-то Ия Савина Раневскую.

— Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, — ответила Фаина Георгиевна.

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

— Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

«Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П.Л. (Павлой Леонтьевной Вульф. — *Ред.*). Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки... 48-й год, 30 мая».

(Из записной книжки народной артистки).

— Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, — говорила она об одной актрисе.

Обсуждая только что умершую подругу— актрису:

— Хотелось бы мне иметь ее ноги — у нее были прелестные ноги! Жалко — теперь пропадут...

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

— Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора, он действительно не видит.

— Почему ты так решила?

— Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»